

Александр ЦУКАНОВ

Сталинград. Берлин. Магадан

Рисунок Вадима Жукова

Глава 5. Сталинград

Писем было немного, но каждое «Настя, любимая моя женушка...» будоражило неизжитой по сей день любовью. Аркадий Цукан чувствовал это без сюсюканья и лишних слов. «Вот только сам я с этой любовью не нужен никому», — думал он с пьяной безжалостностью. Водка скручивала, суживала его, хотя он старался ей противостоять. Почав третью бутылку, еще мог держаться на стуле, только вот голова клонилась к столешнице. Когда ударился лбом об стол, разметав письма, выдохнул: «Все, шабаш!» Дотащился с трудом до кровати и рухнул не раздеваясь.

Утро было такое хмарное, что лучше бы не просыпаться. Голова гудела медным колоколом. Из куска провода и двух бритв соорудил на скорую руку кипятильник, заварил крепкий чай и стал пить его по-сибирски, добавив в стакан граммов пятьдесят водки. А потом снова стал читать письма и вспоминать то, что, казалось, сгинуло навсегда. Помнились фамилии, слышались голоса с характерным хохлацким говором или волжским оканьем и ощущалась та запредельная связь с неким потусторонним, неведомым миром, которую открыл он вдруг в себе, попав на передовую.

Жена отвечала короткими ласковыми письмами, но в них проглядывали надуманность, фальшь, словно это писалось совсем не ему. И это возбуждало в нем ревность и злость на тех, кто остался в тылу.

В одном из писем Аркадий перечислял мелкие события, вплоть до выдачи нового обмундирования, описывал прелести южной степи, где дичками растут абрикосы, а в полях — огромные полосатые арбузы. Но всё было пустым. Только фраза «Мы аж под Сталинградом» зацепила, разбередила своей горечью и той недосказанной тайной, которую он знал: вот уже больше года на войне, но не убил ни одного немца, не совершил ничего героического. А хотелось. Война шла какая-то унылая, тяжкая.

...Расположился наш батальон вдоль берега маленькой илистой речушки неподалеку от Сталинграда. Вода из нее для питья не годилась, а вот в радиаторы и на умывание шла. Рельеф местности был таков: в довольно глубокой впадине, километрах в двух с половиной от нас, находилось селение Городище. Еще в школе из уроков географии я запомнил, что у рек берег, противоположный вращению земного шара, бывает крутой. Течение веками подмывает его. Глядя на этот рельеф, я подумал, что, может быть, когда-нибудь, в незапамятные времена и эта речушка была полноводной, могучей рекой и жестко подтачивала свой левый берег.

Наш батальон на этом месте застрял наглухо. А без нас не мог двинуться дальше и перевозимый нами пехотный батальон со своим имуществом. То ли не было подготовленных аэродромов, то ли авиации не хватало — этого я не знаю. Но простояли мы тут остаток июля и весь август.

Бои гремели на Дону. Несколько раз мимо нас проходили войска с обозами, автотранспортом и артиллерией. Наши солдаты спрашивали:

— Куда направляетесь?

— На Клетскую, — такой обычно следовал ответ.

В ежедневных сводках передавали о тяжелых боях под станицей Клетской. По дороге разрозненными кучками плелись раненые, реже на повозках, иногда на машинах.

— Откуда бредете, друзья? — спрашивали мы.

— Из-под Клетской, — угрюмо отвечали они.

— Ну и как там?

— Да вот так! Почитай всё, что от нашей дивизии осталось, — указывая на вереницы раненых, отвечали они и, безнадежно махнув, ковыляли дальше.

Всё это наполняло сердца тревогой и тоской. И только в ежедневных сводках, которые нам зачитывали на политчасе, уверенно повторялось: «Враг не переступит водный рубеж. Дон станет могилой для захватчиков».

Жизнь наша протекала спокойно. Даже фашистские самолеты не появлялись до поры до времени. Лишь изредка на большой высоте пролетал немецкий разведчик. Похлопают зенитки, «рама» улетит, и опять всё тихо. На возвышенностях за Городищем начали копать противотанковый ров. Занимались этим женщины и ребяташки-подростки. Работа двигалась вяло. Стоял нестерпимый зной. Высохшую, как камень, глину долбили ломами и кирками.

Плохо было с доставкой воды. Мучились от жажды. Рядом с нашим расположением три или четыре пожилых сапера долбили какой-то котлован под дот или дзот. Иногда кто-нибудь из наших ребят подходил к ним:

— Что-то мало людей дают на рытье котлованов.....

Они гневались:

— Тут на четверых-то воды не доставили, ходим с котелками в Городище по очереди. Да и к чему спешить? Через Дон немцев не пустят.

В один из дней во второй половине августа раздался зловеющий гул. На небо глянули — ахнули! Немецкие самолеты летели сплошной лавиной, как некогда на хуторе под Щенячьим. Мы кто куда, от машин подальше. Степь голая. Укрыться негде. Но на нас они даже внимания не обратили. Пошли на Сталинград. И через несколько минут оттуда — вой, грохот, пламя, тучи черного дыма! Говорили, что в том первом налете участвовало 300 самолетов. После этого налетать стали часто, только не такими армадами. Нас хоть не трогали, а всё равно было жутко.

В конце августа днем зной жег немилосердно, но ночи стали прохладными. Как-то раз спал я в кабине, а у солдата и постель, и одеяло — одна шинель. Холодно под утро стало. Закоченел. Проснулся, всё пытаюсь в шинель закутаться, чтобы согреться, да ничего не получается. На голову натяну — ноги мерзнут, ноги закрою — за шиворот холод лезет.

Вдруг слышу разговор:

— Федя! Ты куда собрался?

— По воду.

Я приподнялся, выглянул в окошко кабины. Я знал этого долговязого Федю. Его машина недалеко от моей стояла. Пожилой, лет сорока. Вижу, стоит с ведром самодельным, из старой резиновой камеры склеенным, и с кем-то разговаривает. А туман густой-прегустой, кашей в рот лезет. В пред-утренних сумерках едва третью машину в ряду видать. Речушка, возле которой мы стояли, была мелкая, дно илистое, а берега обрывистые. Зачерпнуть воды не везде можно. Между нашей и соседней ротой берег полого подходил: брать там хорошо, да часового из соседней роты боязно. Со своими можно договориться, а чужой мог и пальнуть сдуру. Были такие случаи. Получив инструкцию, куда двигаться, Федя исчез со своим резиновым ведром.

В кабине не вытянешься. Как мог, я запахнулся в шинель и начал подремывать. И тут опять слышу разговор:

- Ну как, Федя, набрал воды?
- Нет! Я на танк напоролся.
- Какой танк?
- Какой-какой!.. Немецкий! Вот послушай.

Сон мигом слетел. Слышу лязг гусениц по твердой как камень глине. Слышен даже щелчок какой-то звонкий, металлический — видимо, люк открыли. Наверное, осматриваются, прислушиваются фрицы. Близко где-то.

- Федю дергают со всех сторон:
- Где он, этот танк? Куда направляется?

Неожиданно, словно из-под земли, вырос майор, командир пехотного батальона. Сухой, рослый, а обмундирование на нем старенькое, линиярое. Если бы не «шпалы» на петлицах, от рядового не отличишь!

- Где видели немецкий танк?.. Один, два? — засыпал он Федю вопросами.

— Видел один. Я за часовым следил, по-пластунски на бугор заполз. Слышу, гусеницы лязгают и мотор ревет. Думал, наш трактор. Хотел крикнуть, да разглядел крест черный в белой окантовке. В полынь вжался.

- Как вы там очутились?

— Я вижу, часовой торчит и не уходит, решил сползти вниз к промоине. Так и наткнулся.

Пока происходил этот разговор, слышно стало, как танк увеличил обороты. Загрохотали гусеницы. Тронулся.

Майор, похоже, был настоящий офицер-фронтовик. Хладнокровный, распорядительный. Приказал не суетиться, всем замереть.

- Выкликнул двух офицеров для разведки, отдал команду:

- По-пластунски за мной!

Танк взревел, продвинулся на несколько метров, снова сбавил обороты. Послышались щелчки открываемых люков. Стоят, прислушиваются, осматриваются.

- На бугор поднимаются! — придушенный страхом чей-то голос.

Проклятый фашист полз медленно, то и дело останавливался. Наше счастье — этот высокий бугор и густой, как вата, туман. Что стало бы с нами, я увидел воочию через несколько месяцев... Офицеры, ушедшие в разведку, появились неожиданно, но боже мой, в каком виде! Обмундирование на локтях и коленях потрепалось до голого тела. Гимнастерки перепачканы глиной. Майор сообщил, обращаясь сразу ко всем, что за Городищем еще один танк, а всего их три. Это танковая разведка Паулюса (впервые я услышал фамилию этого немецкого генерала). Нас они, очевидно, не обнаружили.

- Отдал приказ:

— Всем без суеты грузить имущество на машины и напрямик, через поле, на дорогу к дубовской переправе. Повторяю: без паники. Времени у нас хватит. Двигаются они медленно.

Паника все же поднялась. Дело осложнялось тем, что у нас одновременно было два командования — транспортное и стрелкового батальона. Подбегает к загруженной машине офицер и орет:

- Чем загрузили? А, боеприпасами? Сваливай! Грузите обмундирование!

- Потрясает наганом. Солдаты сваливают боеприпасы. Подлетает тот офицер:

- Грузить, что я приказал!

Не знаю, что вышло бы, если бы не пехотный майор. Он разнимал и наводил порядок, где мог. Неприятно было глядеть. Офицеры сами создавали анархию. Когда машина загружалась, поверх груза ее облепляли солдаты и орали во всю глотку:

- Гони!

Меня загрузили в числе первых, потому что рядом находился майор. Густая, забористая брань висела в воздухе. В нагруженную машину забрались кто только смог, и все орали:

- Гони!

- Без дороги, по кочкам и ухабам, напрямик, степью поехали мы на северо-восток.

- Стой! — вдруг истошно заорали в кузове.

Я остановил машину. Выскочил из кабины узнать, в чем дело. Вижу, мои пассажиры кувыркком падают на землю.

— Ложись! Немцы!

Огляделся. Ничего подозрительного. Туман начал рассеиваться, видимость улучшилась.

— Это предатель, он нарочно нас демаскирует, не ложится.

— Пристрелить его! — слышался другой голос.

Вспышка злости заглушила чувство опасности. Я, обернувшись к ним, заорал:

— Покажите, где вы видите немцев?

Это озадачило их. Наведенные винтовки и наганы опустились. Один ответил:

— Вон они слева, впереди.

В небольшой балочке, где туман был гуще и лежала предутренняя тень, на меже колыхались от легкого ветерка покрытые бисером росы кусты полыни. Они шевелились, пригибались, создавая иллюзию бредущих фигур. Но у меня-то зрение шоферское, отточенное. С нескрываемым презрением я рывкнул:

— Паникеры! Перед кустами полыни ничком падаете! Расскажу — во всем батальоне прославитесь!

Теперь и они разобрались, начали подниматься. А я, рядовой солдат, стал честить и сержантов, и офицеров. Они даже не огрызались. Затеяли спор, отыскивая того, кто первый крикнул: «Немцы!» Нарочито грубым тоном я приказал:

— Прекратить разбирательство! Живо в машину! Да гляньте, не оставил кто впопыхах оружие.

Никто не осмелился возразить. Я поехал дальше без дурацких команд и окриков. На дубовской переправе творилась неразбериха. Ходил один паром. На берегу скопились сотни машин, и всё подходили новые. Опять пошли в ход угрозы, подкрепляемые отборной бранью. Пока два офицера, угрожая друг другу наганами, вели перебранку, предприимчивые шоферы и солдаты-пассажиры вручную заталкивали на паром машины. Сминали друг другу крылья, подножки. Ломали борта кузовов. Наконец переполненный до отказа паром отчалил. Все, кто мог уцепиться за трос, тянули его на совесть, и паром двинулся к левому берегу.

Разместили нас в совхозе недалеко от Быкова. Несколько дней мы находились в бездействии. Поставив машину под деревья и замаскировав по мере возможности, я обычно уходил подальше от нее, наученный горьким опытом. Однажды, отойдя довольно порядочно от машины, выбрал в степи небольшую канаву и улегся в ней. Вдоль неё рос довольно густой бурьян, и я, отлично замаскированный от посторонних глаз, начал придремывать.

Вдруг слышу разговор. Вскинул голову: ба! Майор-пехотинец всё в том же измятом солдатском обмундировании, только поновее, чем в прошлый раз. С ним какой-то подполковник. Видно, друзья. Друг друга называют по имени. Остановились почти напротив меня. Слышу, майор спрашивает у подполковника: почему, дескать, Паулюс (опять слышу эту фамилию) не начал наступление? Разведка его провалилась, что ли?

— Да нет, разведка вернулась. Все три танка.

Опять называет майора по имени (забыл) и уговаривает вернуться на штабную работу в дивизию. Майор ему возражает: наелся, мол, этой штабной работы. А полковник его уговаривает:

— С июня ты который по счету командуешь батальоном?

— Четвертый уже.

— Вот видишь. Убьют за милую душу. Соглашайся!

— Ладно, подумаю. Ты мне все-таки ответь: почему Паулюс не предпринял в тот день наступления? Или вам ничего не известно?

— Нам многое известно, в его штабе есть... наш человек. Когда танкисты сообщили результаты разведки, Паулюс сказал: «Этого не может быть. Это продуманная инсценировка. Никакой обороны. Только для вида вырыты противотанковые рвы и созданы огневые точки. Ни окопов, ни заграждений, ни минных полей. Разрозненные части...» Он решил, что русские подготовили для армии гигантскую ловушку, некую наживку. Остановил наступление и занялся тщательной разведкой. Решил найти наши ударные армии на флангах. Эти-то пять дней и спасли положение. Мы укрепились. Теперь он берет каждый дом с боем, неся огромные потери.

Разговаривая, они двинулись дальше, а я, несмотря на пережитый страх, порадовался солдатской интуиции: даже рядовые говорили: «Фриц умеет перехитрить сам себя».

Вскоре наши транспортные роты нарядили на подвозку снарядов и мин на батареи, защищающие Сталинград с левого берега Волги. Пошли серые солдатские будни под грохот авиабомб. С наступлением темноты мы подъезжали к Быковской пристани, загружались снарядами или минами. Офицер, руководивший погрузкой, подходил к машине, строго предупреждал ехать по одному. Указывал населенный пункт, где у развилки будет ждать солдат-проводник, и шепотом сообщал: «Твой пароль Клен, ответ — Береза».

Дорога грунтовая, очень пыльная, на всем протяжении воронки от бомб и снарядов. Их постоянно засыпали, но появлялись новые. Километров десять ехал спокойно, зенитки не давали самолетам приблизиться к переправе. Чем ближе к городу, тем чаще раздавался с воздуха рокот, разноцветными линиями возникали и гасли трассеры пулеметных очередей. Рвались сериями мелкие мины. Всё как на войне. Ехал я примерно так: одна нога на подножке, другая на акселераторе, и до рези в глазах всматриваешься в темноту, потому что навстречу летит порожняк. Возникает внезапно. Обмахнет тебя матерком и растает в темноте. Чем ближе к городу, тем сильнее всполохи и грохот чудовищной молотилки, которая не умолкала ни днем ни ночью.

Важно не проскочить указанное место. Приостанавливаешься, солдат подходит и приглушенно произносит: «Я Ольга». Едешь дальше. Вот наконец-то и твоя Береза, и твоя батарея, куда ползешь на пониженной скорости, моля бога, чтобы не завалиться в воронку или старый окоп.

Война интересна лишь в кино. А в жизни — никакой романтики, это я не устану повторять никогда. И те водители, которые возвращались утром под грохот разрывов, имели землисто-бледный цвет лица. А кто-то не возвращался. Если ехал груженный, то не находили ни сапог, ни солдатского медальона.

Так я отъездил около месяца. Неожиданно передали, что меня срочно разыскивает Волков. Теперь в его петлицах поблескивали четыре кубаря. Волков с притворной участливостью стал расспрашивать о службе. Думал, что я начну жаловаться. Нет. Не стал унижаться, ответил, что службой доволен.

Волков был удивлен и слегка огорчен, чего я не мог не заметить по его натянутой улыбке. Он надеялся, что я стану просить послабления. На доставке снарядов ежедневно происходили боевые потери. Волков хотел стать благодетелем, а этот «ндравный Цукан» опять себе на уме, как он считал.

— Что ж, тогда отправишься в распоряжение Яковенко. На постоянно, — добавил без ухмылки, жестко, как прокурор, разглядывая меня в упор и ожидая возражений.

Яковенко пользовался дурной славой среди шоферов. У него больше двух недель не мог удержаться никто. И это суровое «на постоянно» звучало как отправка в штрафную роту.

Поначалу я вошел в ступор. Это было суровое наказание. Но спорить не стал. Хотя сам видел, как Петя Гуськов умолял посадить его на «губу» или дать наряды вне очереди, лишь бы не отправляли к Яковенко. Волков решил, что при моей упертости и неумении подлаживаться, льстить интенданты меня просто «законопатят».

Весь вечер размышлял, как себя вести, какую линию поведения выбрать. Разыскал Гуськова. Петя вытаращил глаза. «Да ты что! Яковенко чуть не застрелил, полыхнул из нагана, когда я взял из кузова одну брюкву. Беги, Аркаша, беги от него любым способом», — напутствовал меня бывший подчиненный.

На другой день рано утром подкатил к расположению интендантской службы. Часов у меня не было, как и у большинства солдат в те годы, поэтому приехал пораньше. Когда появился Яковенко, сразу козырнул и четко доложил, что прибыл в полное распоряжение на постоянно.

Он, не стесняясь, угрюмо оглядел меня. После паузы рявкнул: «Поехали!» Было время завтрака, но я не напомнил, чтоб не нарываться. Не стал спрашивать куда, понимая, что он должен скомандовать. И точно, последовало: «Налево, потом направо!» Вел я машину аккуратно, привычно срезая ухабы, и вдруг услышал: «Куда летишь! За воздухом следи...» Пришлось открыть дверку кабины и осматривать небо.

Приехали в захудалый степной колхоз. Поставил машину перед правлением, а он мне в мать-перемать: «Почему машину не маскируешь!» Поставил в тень от единственного захудалого деревца. В следующем колхозе, куда приехали, ни одного деревца. По двору бродили два облезлых верблюда. Унылая местность это Заволжье: глина, полынь, степь, выжженная солнцем, и ничто глаз не радует. А люди живут... Машину оставил в тени амбара.

Так мы ездили до позднего вечера. Спросил разрешения сходить на ужин. В ответ односложно-грубоватое: «Иди». А ужин-то давно кончился, надежд никаких, но голод не тетка. Поплелся с котелком на кухню. Повар удивленно:

— Ты что, заблудился?

— Да нет, — говорю, — с Яковенко целый день мотался по степи.

Повар хохотнул:

— Ну, тогда понятно. Котел чистил, с пригарцем со дна остатки не стал выбрасывать. Бери, если хочешь.

Но я даже такому ужину был рад.

На другой день Яковенко назначил выезд на восемь часов — тут уж я успел сбегать на завтрак. И опять по колхозам-совхозам. В одном погрузили капусту, в другом — картошку, морковь, в третьем — лук. После погрузки ушел Яковенко в контору, а я возле машины прохаживаюсь. У борта два ящика с помидорами — красные, аппетитные. Чтоб соблазна не было, залез снова в кабину, как чувствовал, потому что в оконном проеме показалось лицо Яковенко. Наблюдает. И не зря. Я знал привычки наших шоферов: любимая присказка — что везешь, то и грызешь. Я и сам не ангел, как-то украл три пачки концентрата из машины Яковенко, но это был крайний случай. Мать-то меня приучала: не воруй и не проси, заслужил — сами вдвое больше дадут.

Уже на третий день я почувствовал в наших отношениях потепление. Разговаривал Яковенко со мной кратко и грубовато, но не рычал, сам отдал команду, чтобы мне резервировали обед. После чего я понял: не пропаду и здесь. А прославили Яковенко за фантастическую честность, которая так не вязалась с его интендантской должностью. Ну и характер, конечно, был у него взрывной, из-за чего командиры транспортных рот не ладили с ним, назло подсовывали самых никчемных водителей.

Одна из поездок выпала с заместителем Яковенко — молодым лейтенантом. Он всю дорогу выпытывал, как же мне удастся ладить с начальником — деспотом и хамом, которого все ненавидят. Он поглядывал на меня сбоку и ждал, что я начну подливать масла в огонь. Но я ни гу-гу. Твержу свое, что начальников не выбирают, что у меня всё в порядке.

Со склада на пристани загружали мешки с сахаром, консервами и несколько ящиков сливочного масла. Мне казалось, что я забыл его вкус и цвет. А тут целые ящики. Когда закончили погрузку, лейтенант дружески-заботливым тоном спрашивает: «Небось, голодный?» Я отмолчался, и так всё понятно, если уехали ранним утром до завтрака.

— Масла и консервы дать не могу, тут всё строго. А сахарного песка можешь насыпать, с водичкой и сухариками подкрепишься.

— Мешки же зашиты. Пороть не стану...

— Ладно, не темни, — говорит интендант. — То ли хитер, то ли правда так простодушен. Мешок проткни в уголке палочкой и сыпь в котелок. Потом руками затрешь дырочку.

Насыпал я пару горстей. А он подсказывает:

— Сыпь больше, товарищей побалуешь.

Постепенно я перезнакомился со всей интендантской службой. Особенно подружился с сержантом Бельским. Простой веселый парень, чуть постарше меня. Однажды я ему спел парочку любимых песен, он зауважал меня и старательно выпрашивал для поездок. В дороге охотно балагурил «про родянску працу» Полтавщину, краше которой на земле места нет.

Повара теперь меня почитали за сотрудника интендантской службы, порции стали двойными, а куски мяса — увесистыми. Без обеда и ужина не оставляли. Интенданты иной раз отправляли меня в самостоятельные поездки на пекарню, за овощами и прочими продуктами для нашей кухни.

Однажды по дороге из пекарни посадил женщину, которая рассказала, что сама из Курска, эвакуировалась с тремя детьми сюда, в Заволжье. А местные относятся к ней как к городской, даже уборщицей не берут на работу...

Когда женщина сошла, я сунул ей две буханки хлеба. Она так растрогалась, что стояла столбом, лишь силилась что-то сказать, а по щекам текли слезы. Завернула хлеб в ситцевый свой платок и пошла к поселку, наклоня голову. Встречный ветер безжалостно трепал ее льняные волосы. Я тут же подумал о своей Настене: как она там в Уфе?

Но это был единственный случай, когда я что-то взял без спросу.

Ко мне пару раз подходил Волков с вопросом: как служба? Я мог в новом моем положении легко поднести ему котелок сахара и кусок сливочного масла, заново завести с ним дружбу. Бельский не раз говорил: «Проси — не стесняйся, всегда поделимся». Но я не пошел, не подольстил. А как оно лучше, то богу одному ведомо...

Глава 6. Болото

В медсанбате бригады Маторин получил письмо от генерала Дорена с пожеланием скорейшего выздоровления. А на следующий день верхом, весь в грязи, приехал и сам генерал, привез в подарок две бутылки трофейного французского коньяка. Пошутил, что это лучшее лекарство, но, как и положено старшему по званию, добавил: «Если в меру». Рассказал давний анекдот про Буденного, которого знал со времен Гражданской войны.

Это стало для Маторина большой неожиданностью.

В ходе боев, когда соединения корпуса совершали марш к линии фронта по бездорожью и глубокому снегу, генерал Дорен, контролируя каждую ночь передвижение частей корпуса, несколько раз обрушивался на офицеров с бранью. В целях маскировки от разведки противника с воздуха соединения корпуса двигались только в ночное время и до наступления рассвета должны были успеть выйти в густой лес. Бригада с трудом, но все-таки успевала сосредоточиться в указанном районе. Опасаясь, что части не успеют затемно дойти до назначенного места, генерал Дорен, подогреваемый полковником Васильевым из Генерального штаба, человеком по натуре склочным, стал грубо, не сдерживаясь в выражениях, бранить Маторина.

Он вспомнил, как ответил тогда резко: сказал, что старший командир может наказывать за провинность, но оскорблять офицера права не имеет. Следом бесстрашно вступился комиссар бригады Зибельман, стал с вежливой строгостью пояснять, что приказ выполнен, бригада вышла на установленный рубеж.

После этого случая Дорен не допускал даже повышенного тона. Понял, что перед ним офицеры, умеющие отвечать за свои поступки. Во время боевых действий генерал не раз бывал в бригаде, хотя добираться по болотам и под огнем противника до передовых позиций было непросто. Его смелость восхищала многих. Знали, что в империалистическую войну в звании подпоручика он воевал на русско-германском фронте, где был отравлен удушливыми газами. Последствия этого сказывались до сих пор: он часто, тяжело и с надрывом кашлял.

В 1941-м он командовал стрелковой дивизией, которая за успехи в боевых действиях была переименована в гвардейскую. В 1942-м его переназначили командиром корпуса.

Июнь порадовал не только летним теплом, подсохшими дорогами, но и начавшимся наступлением по всему фронту. Бригада вырвалась вперед, обогнала другие части корпуса и, форсировав реку Тигоду, разгромила батальон противника, перехватив единственную дорогу на этом участке. Маторин доложил об этом полковнику Кудрявцеву — начальнику штаба корпуса. Через несколько минут комбрига вызвал к телефону Дорен и, выслушав доклад, спросил, почему не доложил лично ему.

— Поймите, — сказал Дорен, — мне мало знать, что делается в полосе наступления бригады, я хочу слышать ваш голос.

Это было сказано с такой располагающей интонацией, что не поверить в дружеское расположение было нельзя. Командир корпуса поблагодарил за службу и приказал объявить от его имени благодарность всему личному составу бригады. И особенно майору Хазарову, который первым с батальоном форсировал Тигоду.

Многие бойцы и офицеры проявили героизм во время Любанской операции. Наградные листы по командной инстанции направили в штаб Волховского фронта. Но вскоре они возвратились с резолюцией командующего: «Армия успеха не имела, в награде отказать». Это обескуражило всех. Армия действительно не выполнила полностью задачу, но многие командиры и солдаты дрались не щадя своей жизни, погибали геройски. Комиссар Зибельман связался с политуправлением фронта, доказывая, что геройски погибших обязательно нужно отметить наградами. Безрезультатно.

Для проверки хода оборонительных работ и организации учебы бригаду посетил вновь назначенный командующий 54-й армией генерал Сухомлин. Его отличали редкостная выдержка и самообладание. Он никогда не позволял себе грубость в обращении с подчиненными даже в тяжелейшие дни боёв, когда нервы у всех были напряжены до предела. Маторина восхищалась эта черта характера командующего. Трудности военного быта, казалось, никак не отражались на нем: всегда аккуратный, подтянутый, стройный — прекрасный пример для подражания. На совещаниях он возмущался, требовал выкинуть из лексикона матерщину. Все с ним соглашались, но за дверью землянки всё возвращалось на круги своя.

Вышел приказ Ставки Верховного Главнокомандующего: «Войскам Волховского и Ленинградского фронтов провести наступательную операцию с целью снятия блокады Ленинграда. Местом проведения операции выбран Шлиссельбургско-Синявинский выступ».

В записной книжке комбрига появились строки: «24 августа 1942 года бригада срочно начала получать недостающее оружие: автоматы, более полусотни противотанковых ружей, около 40 единиц 82-мм и 120-мм минометов и более десятка станковых пулеметов. Ведется очистка оружия от заводской смазки. 25 августа получили задачу: бригаде сосредоточиться в тыловой район 8-й армии. 27 августа 1942 года 8-я армия Волховского фронта, прорвав оборону противника, нанесла удар в направлении Синявино».

Командир корпуса поставил стрелковой бригаде боевую задачу: наступать во втором эшелоне. На марше налетели пикирующие самолеты немцев, в результате чего мы потеряли около взвода солдат и два десятка лошадей. Потери оказались сравнительно небольшими, потому что с целью маскировки от вражеской авиации части бригады двигались рассредоточенно, по нескольким маршрутам. Тремя станковыми пулеметами удалось сбить один самолет. Причём каждый пулеметчик считал, что это его заслуга, спор между командирами подразделений вышел грубый, с матерщиной и взаимными оскорблениями, словно делили нажитый скарб.

Подошли к реке Черной. Здесь получили боевой приказ: наступать на левом фланге корпуса. Берега реки были заболочены столь серьезно, что сплошная трясина засасывала человека мгновенно. Пришлось укладывать гати, и ночью с огромными трудностями всё-таки удалось преодолеть болото. Не успели обмыться, обсохнуть, как налетели «юнкерсы». Бомбили с небольшими перерывами с рассвета до сумерек. Пострадали все подразделения, потери были существенными.

Утром 2 сентября батальоны продолжили атаку, тесня пехоту противника, и достигли проселочной дороги совхоза «Торфяник» — Белково. При этом не было никакого прикрытия с воздуха — немецкие самолеты не давали ни минуты покоя, бомбили и бомбили все светлое время суток.

На следующий день Маторин ввел в бой 3-й стрелковый батальон — для более решительного нажима на врага. Но, судя по усилившемуся огню артиллерии немцев, особенно минометов, к ним подошли свежие силы.

С Синявинских высот хорошо наблюдались боевые порядки бригады, фашисты имели возможность вести прицельный огонь, который выводил из строя бойцов и сковывал их действия. Невозможно было не только продвигаться, но и головы поднять. Стоял сплошной гул и грохот.

Кровопролитные бои в Любанской операции теперь уже не казались Маторину столь тяжелыми: тогда был численный перевес, тогда диктовали противнику свою волю. Теперь же он превосходил нас по численности в живой силе и артиллерии, а его авиация полностью господствовала в воздухе. Наша артиллерия, как корпусная, так и армейская,

молчала. Частей корпуса не было ни справа, ни слева. Изредка в воздухе появлялись наши самолеты, но тут же «мессершмиты» завязывали с ними бой, который часто заканчивался не в нашу пользу.

С большими трудностями, под грохот разрывов, удалось наконец связаться по радиации с командиром корпуса генералом Дореном. Маторину нужно было сориентироваться в обстановке: требовалось знать, где ведут бои другие соединения корпуса, почему артиллерия не подавляет минометы неприятеля. Требовалось, наконец, связаться с нашей артиллерией, чтобы поставить ей задачу на уничтожение хотя бы вражеской пехоты.

Из разговора с командиром корпуса Маторин узнал, что и на соседних участках фронта противник активизируется, обстановка осложняется. Из-за грохота боя связь была скверной. По отрывочным ответам генерала Дорена Маторин понял: вопросы боя надо решать самостоятельно, надеясь только на свои силы.

К 4 сентября части бригады немного продвинулись вперед. Высланные на фланги разведчики возвратились, не встретив других частей корпуса. На этом участке фронт зиял брешами. Согласно поставленной задаче требовалось продвигаться к Неве для соединения с частями Ленинградского фронта. Положение тяжелое: имея приказ наступать, о переходе к обороне на достигнутом рубеже нельзя было и думать. А немцы вводили в бой всё новые, свежие силы.

В штабе не знали, в каком положении находятся войска Ленинградского фронта. Батальоны с каждым днем таяли, как весенний снег. Досаждала вражеская авиация: бомбила, обстреливала из крупнокалиберных пулеметов, стараясь остановить бригаду во что бы то ни стало. Зенитных средств нет, поддержки с воздуха тоже — полная беспомощность.

По одному из достигнутых рубежей противник открыл сильный заградительный огонь и вынудил батальоны залечь. Вскоре с фронта и на флангах выползла густая масса пехоты. Немцы начали решительно атаковать. В результате длительного боя значительно поредевший второй батальон был окружен. Целые сутки, не прекращаясь даже ночью, продолжался бой. Несколько раз Маторин собирал имеющиеся резервы и бросал на выручку окруженным, но остановить неприятеля не получалось. Только отдельным группам утром удалось выйти из окружения.

Из записной книжки комбрига: «Всю ночь и утро 7 сентября противник усиленно вел обстрел командно-наблюдательного пункта. Ранен ординарец Паша Ченцов, убиты сержант комендантского взвода и фельдшер управления бригады. Настроение у всех подавленное».

По силе огня и агрессивности Маторину стало понятно, что инициатива полностью перешла к немцам. Армейские части выдвинулись на усиление корпуса, но подверглись такой сильной бомбежке, что их трудно было собрать. Многие бойцы после удара авиации разбрелись и небольшими группами бродили по тылам.

Офицеры во главе с комиссаром Зибельманом собирали «беспризорных» и пополняли подразделения бригады. Солдаты второго батальона, вышедшие из окружения, рассказали о девушке-сибирячке Полине Ясинской, которая погибла недалеко от дороги совхоза «Торфяник». Фельдшера знали многие ещё по боям под Любанью. Случилось так: она оказывала помощь раненым, увидела, что один за другим бойцы потянулись в тыл, вскинулась с земли в полный рост и, размахивая над головой автоматом, закричала: «Ребята! За мной!» Добежала до передовой цепи, стала стрелять из автомата. Перед атакой немцы обрушили на остатки батальона огонь артиллерии. Одним из осколков Полину прошило насквозь. Противник не пошел в лобовую атаку, просто обогнул роты с флангов, замкнул цепь окружения.

7 сентября генерал Дорен вызвал Маторина на свой наблюдательный пункт для доклада о положении на участке бригады. В небольшой землянке командира корпуса находилось человек семь офицеров корпуса, армии и фронта. Они внимательно прослушали доклад. Обстановка была чрезвычайно сложной, это чувствовалось по всему. После предложили поесть и выпить. Маторин отказался:

— Немцы стягивают силы для атаки!

— Ну ты, боевой товарищ, удивил! Война войной, а кушать хочется...

Комиссар корпуса генерал Лопатенко схватил со стола пол-литра водки, сунул во внутренний карман телогрейки, в другой — кусок сала. Продукты из-за обстрелов не подвозили, бригада не получала положенной нормы.

Когда вышли из землянки, услышали грохот арналета и вой сирен пикирующих самолетов. Комбриг по направлению арналета, по разрывам авиационных бомб понял, что огонь ведется по расположению НП бригады и остаткам слабенькой обороны. Противник готовился к очередной контратаке.

Маторин доложил о своих опасениях генералу Дорену. Толком не попрощавшись, вместе с ординарцем рванулся в направлении НП.

— Подожди, куда же ты под огонь?

Генерал Лопатенко схватил его за рукав. Но было не до церемоний. Маторин с силой отдернул руку и выскочил из блиндажа. Вдогонку неслось:

— Эй, Багратион! Пропадешь за понюх.....

Бежал он с ординарцем напрямик, не выбирая дороги, через густой лес. Углубившись, Маторин увидел, что левее, в направлении НП бригады двигаются плотные цепи гитлеровцев. Офицеры шли позади своих солдат, подгоняя их резкими выкриками.

Успеть в цепь бригады можно, если не сворачивать в сторону, бежать, обгоняя немцев. И он понесся сбоку и чуть впереди, рискуя каждую минуту получить пулю в бок. Задыхаясь от быстрого бега по мягкой, упругой, покрытой мхом земле, запрыгнули в окоп. Он оказался большим — пулеметным. Два солдата возились с «максимом». Наводчик небольшого роста, жилистый. Второй номер совсем молодой, высокий, атлетического сложения, с ярким румянцем и пушком на щеках. Они старались наладить пулемет на автоматическую стрельбу, но тщетно. Похоже, командир роты при назначении бойцов обращал внимание не на умение обращаться с оружием, а на физическую силу солдата, позволяющую таскать пулемет на себе. В этом он не ошибся: молодому атлету по силам было таскать и сорокапятку.

Маторин в молодые годы командовал пулеметным взводом, хорошо знал это орудие. Тут же обнаружил причину отказа пулемета. Лента набита небрежно: одни патроны сидели глубоко, другие не доходили до упора. Да и сама брезентовая лента оказалась сырой. Отодвинув наводчика, комбриг лег за пулемет, вытащил ленту и приказал подать другую. Другая лента не лучше. Пришлось вместе с пулеметчиками выравнивать патроны. Маторин зарядил пулемет, дал в сторону противника, чтобы не оказаться обнаруженным, короткую контрольную очередь. Пулемет сработал отлично.

Наблюдая за обстановкой, Маторин увидел, что бойцы заняли оборону в открытой неглубокой траншее, готовые встретить наступающих немцев огнем из ручных пулеметов и автоматов. Человек пятьдесят, все на своих местах. По распоряжению начальника инженерной службы они подкатили 45-мм пушку и установили ее рядом с пулеметом — появилась надежда, что контратаку смогут отбить.

Неожиданно на открытом снаряжном лотке, который лежал на боковом бруствере окопа, завертелся с шумом и свистом, как бы вокруг своей оси, один из снарядов — видимо, горячий осколок разорвавшегося где-то поблизости снаряда противника пробил гильзу и воспламенил порох. В нескольких шагах позади спокойно стоял майор Спиринов. Комбриг не успел даже подумать, что вот сейчас этот снаряд взорвется над головами, как вдруг гитлеровцы бросились в атаку с каким-то неслыханным гортанным криком. Забыв о вертящемся снаряде, Маторин нажал на спусковой рычаг пулемета и повел рассеянный огонь по вражеской цепи. Одновременно справа и слева застучали пулеметы, автоматы. Не выдержав плотного огня, немцы залегли.

Сменили пулеметную ленту, нацелили пулемет, ждали повторной атаки. Солдаты, словно на поляне в лесу, уже стали сворачивать закрутки. Они сначала не признали комбрига в затрепанной грязной телогрейке. Лишь солдатским чутьем угадали в нем командира. Неважно, какого ранга. Главное, что он был вместе с ними, — это придавало уверенность. Тот, что постарше, с татарским прищуром, отводя глаза в сторону, извинялся:

— Мы тут замешкались с перепугу-то. А щас врежем, не сумлевайтесь!

Фашисты снова поднялись в атаку. Но по всему фронту бригады затрещали автоматы, захлопала 45-мм пушка, нескончаемой дробью «заговорил» легендарный «максим». Один

из немцев поднялся, чтобы бросить гранату, и тут же обмяк. Рота продолжала вести огонь, не давая возможности противнику отползти, выкашивая одну цепь за другой. В атаку поднялись волной с протяжным горловым воплем «А-а-а!» Смяли фрицев с лютым ожесточением, вымещая злость за сиденье в болоте, за скудный паек, за Ленинград! Около взвода помятых, легкораненых взяли в плен, остальных добивали, достреливали вдогон.

В атаке погибли два офицера и семь рядовых. Разрывной пулей ранило помначштаба Авдеева, грамотного смелого лейтенанта. У Маторина пуля прошла под кожей на груди, он даже не почувствовал боли. Осколки повредили в нескольких местах телогрейку, белыми хлопьями торчала вата, от неё шел густой запах гари. Не верилось, что ему так повезло. Казалось, это было что-то другое.

А сало уцелело. И были еще сухари такой каменной жесткости, что, когда их разламывали, хруст получался как винтовочный выстрел. Комиссар от сала не отказался, потом потыкал пальцем в отверстия телогрейки комбрига. Укоризненно покачал головой: «Нельзя же так, Александр Семеныч! Полдюжины офицеров на всю бригаду». Маторин не стал возражать — формально Зибельман был прав. Его мучил вопрос: куда девался снаряд, что юлой вращался на уровне головы? Возбуждение после боя прошло, навалилась усталость. Он подозвал адъютанта батальона связи Карпова. Приказал организовать наблюдение по линии фронта и на флангах. Немцы могли атаковать повторно.

Последующие несколько суток противник позиции и НП обстреливал непрерывно полевой и тяжелой артиллерией. Единственную их землянку несколько раз заваливало от взрывной волны. Фашисты мстили жестким обстрелом, не решаясь переходить в наступление на этом участке фронта.

В районе командно-наблюдательного пункта располагались подразделения бригады и небольшой резерв. В свежееотрытой щели недалеко от землянки разместили отделение стрелков из Узбекистана. Как только начинались бомбардировки или артобстрел, они покидали свою довольно глубокую щель и быстро бежали к землянке с жердевым накатом, где находились командир, комиссар и начальник штаба бригады. Бойцы усаживались на открытой площадке и спокойно пережидали артобстрел. Всех удивляло такое поведение. На расспросы они отвечали улыбками, так как не владели русским языком. Позже через переводчика дознались: безопаснее находиться рядом с начальством, так как оно знает, куда может упасть бомба, а куда нет. Святая простота!

Записная книжка комбрига: «10 сентября немцы прорвали фронт, и несколько подразделений, сильно поредевших от обстрелов и бомбежек, оказались в окружении вместе с командиром корпуса генералом Дореном. Командиром корпуса назначен генерал-майор Рочинский. Бригада прикрывает смежные фланги двух дивизий.

11 сентября получили приказание начальника штаба корпуса полковника Кудрявцева вывести бригаду в село Килози для пополнения людьми. Пробирались днем по узкому проходу, видимо, случайно оставленному противником. Путь шел по болотистой местности под сильным обстрелом и бомбежками. В селе Килози находилась медсанрота, попавшая под удар авиации. Были ранены фельдшер Дорнова и начальник санслужбы бригады майор Евсюков, человек добросовестный и смелый. С адъютантом-фельдшером Евсюков по собственной инициативе посещал боевые порядки, чтобы организовать вынос раненых с поля боя. Тяжелое дело в условиях заболоченной местности.

Получили 430 человек. Пополнили два батальона, теперь в каждом по 310 бойцов».

16 сентября бригада поступила в подчинение 6-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Алферова. Комбрига представили командующему ударной армией генералу Клыкову. Низкорослый, грузный, с густой проседью в волосах и откровенно уставшим видом, этот генерал произвел на Маторина угнетающее впечатление. Разговаривал он с какой-то брезгливой гримасой на лице. Приказал:

- Овладеть в кратчайшие сроки роцей Круглой.
- А средства наземной, воздушной поддержки?
- Нет! Силами бригады. Выполняйте приказ!

Это был самый крепкий орешек в синявинской обороне, что знали все. Роца прикрывала подступы к Синявинским высотам, с которых обозревались окрестности.

Противник имел десятки орудий на прямой наводке, более ста пулеметных точек и несколько тысяч пехоты. Рощу Круглую обороняла 366-я пехотная дивизия, точнее, один из её полков, о котором много шумела фашистская пропаганда. За оборону рощи командиру полка Венглеру было присвоено звание полковника и пожалован Рыцарский крест.

Несколько дивизий неоднократно штурмовали рощу, неся огромные потери. И вот теперь генерал Клыков поставил задачу перед бригадой, в составе которой насчитывалось всего-то 620 бойцов. Он даже не обещал поддержать артиллерией, не говоря уже о танках, которые в этой полосе атаки просто не могли быть задействованы.

— Овладеете рощей Круглой — получите орден Красного Знамени, — сказал Клыков.

Что можно ответить человеку, который пообещал тебе подарить Луну?

Местность, на которой приказали занять исходное положение для атаки, представляла собой голую, плоскую низину. Здесь до войны добывали торф. Низина была изрезана поперёк широкими каналами с бурой водой, через которые нельзя было ни перешагнуть, ни перепрыгнуть. Они представляли собой серьезное препятствие для наступающих войск.

Ровная, как стол, местность хорошо просматривалась и простреливалась из рощи Круглой всеми видами огужия. Каждый поднявшийся на ноги боец становился явной мишенью для врага.

Хорошо зная местность, командир 6-го гвардейского корпуса генерал Алферов не ставил задачи наступать. Ночью бригада заняла исходное положение в торфяной жиже, а с утра повела наблюдение за противником, подыскивая цели для снайперов и артиллерии. Пехота оказалась в тяжелейших условиях: бойцам приходилось лежать на сыром, водянистом торфе в мокрой одежде и сапогах, но при попытке подняться фашист тут же скашивал бойца пулеметной очередью. Выносить раненых можно было только в темноте. У солдат начали опухать ноги, каждую ночь из боевых порядков выносили несколько человек с гангреной.

Мысль овладеть рощей Круглой с севера без поддержки артиллерии и авиации могла прийти в голову командиру, который реально не представлял себе положения войск на открытой болотистой местности. Все понимали, что вести боевые действия на этом участке просто бессмысленно. Маторин доложил об этом генералу Алферову и получил краткий ответ:

— Ведите активную оборону.

Бойцы нашли наблюдательный пункт, с которого просматривался отрезок дороги, где постоянно курсировали немецкие грузовики и повозки. С этого наблюдательного пункта артиллерия повела огонь по автотранспорту неприятеля. Разведка сталкивалась с большими трудностями, но ей все же удалось захватить «языка».

Навестил военный комиссар 6-го гвардейского корпуса. Вместе с комиссаром бригады Зибельманом Маторин попытался объяснить, что держать бригаду на этом болотистом участке бессмысленно: потери вызваны тем, что солдаты находятся постоянно в холодной воде без движения. Но комиссар корпуса, ничего не ответив, быстро сбежал к себе на КП.

Записная книжка комбрига: «Обстановка на Синявинском фронте осложнилась. Войска 8-й армии отходили с западного на восточный берег реки Черной. Бригаду сняли с торфяного болота и перебросили для обороны участка западнее населенного пункта Охраны. Через двое суток бригада перешла в район Апраксина, где и заняла оборону».

3 октября поступил приказ выйти в резерв фронта в район села Никольского. В этом селе Маторин случайно увидел бывшего командира корпуса Николая Дорена. Подошел к нему с приветствием. Измученный, худой, с посохом и автоматом, генерал только что вышел из окружения и направлялся в штаб фронта.

Маторин вместе с Зибельманом навестил генерала Дорена, который находился в распоряжении штаба фронта. В такой ситуации спрашивать о здоровье было ханжеством. Армейский прокурор Петухов дружески выдал военную тайну: оказывается, генерала пытаются привлечь к ответственности за потерю руководства соединениями корпуса в ходе боев. Многих возмутили предъявленные обвинения: все знали, как корпус вводился в сражение. Нужен козел отпущения — удобной фигурой оказался боевой труженик

генерал Дорен. А причина-то проста: неумение управлять войсками, использовать вторые эшелоны, своевременно вводить резервы, мощным кулаком привлекать армейскую и фронтовую артиллерию, авиацию. Командующий 8-й армией генерал Стариков предусмотрел лишь артподготовку, но артобеспечение боя в глубине обороны противника не было спланировано совсем.

Решили ввести в сражение второй эшелон 8-й армии — гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала Дорена. Предполагалось развить успех, но сделано это было с большим опозданием, когда наступление войск захлебнулось. Маторин не побоялся, так и сказал напрямую Дорену: мол, по его мнению, из-за множества подобных просчетов Синявинская операция стала кровавой мясорубкой, нанесла тяжелый моральный урон всей армии и самое главное — не помогла деблокировать Ленинград.

Дорен отмолчался, лишь покхекал простудно. Побывавший дважды под судом, он предпочитал не откровенничать попусту.

— Вы, товарищи офицеры, лекарство прихватили с собой?

Пустили по кругу граненый стакан с водкой, привычно шепнув: «За победу!»

Глава 16а. Биссектриса

Наш полк в полном составе со всеми техническими службами выгрузился на станции Луга. В недавно освобожденном городе состоялись полковой смотр, короткий митинг. На следующий день походной колонной двинулись на запад. От одного этого, много раз повторенного «на запад» становилось веселее. О конечной точке маршрута не знали ни комбат, ни лейтенант Стахов, задерганный нашими вопросами: ну что там и как?

Ночью развели бойцов по селу. Точнее сказать, по оставшимся в селе постройкам. Нашему экипажу достался сарай с охапками прошлогодней соломы, чему мы были безмерно рады. Меня как механика в караул не назначали. Да и как можно: после многочасового гула мотора и лязга гусениц в голове стоял тарарам, руки были свинцовыми от рычагов, глаза слезились. Стахов еще что-то пояснял, а я уже спал, привалившись к дощатой перегородке, не обращая внимания на запах навоза и писк мышиного выводка.

Утром Вдовин пытался надо мной подшутить: тебе, мол, только в пожарной команде служить, спишь как сурок. Но не было сил с ним спорить. Управлять самоходкой — это вам не баранку крутить. Доложил командиру, что от фрикционов руки болят, аж не дотронуться. Попросил проследить, чтоб заправили горючим под горловину. Стахов неохотно агакнул: ладно, мол, отдыхай.

Вскоре стало известно, что наш полк передали в подчинение пехотной дивизии для наступления на Белецк вторым эшелоном. Приказали доукомплектовываться и готовить технику, пока есть возможность. А что там готовить, если и так, когда стояли в Ленинграде, буквально вылизали машины...

В большом селе осталось десятка два жителей.

— Кого немцы угнали, кто в партизаны подался, а иной сам ушел от войны куды глаза глядят, — пояснила местная старуха. — Да и сгинули, коль их нет по сю пору.

Принесла нам пучок щавеля и укропа. Мы ей — хлеба початую буханку. Она засипетила, ударилась в поклоны. Нам стало неловко и досадно, но дать-то ей больше было нечего.

Слева и чуть впереди — капониры артдивизиона и наблюдательный пункт на взгорке. Мы узнали, что командует стрелковой дивизией полковник Маторин, который спуску не дает ни своим, ни чужим. Но за солдата он — горой. Комдива на Волховском фронте чуть под суд не отдали, потому что отказался наступать на гитлеровцев без артподготовки. Удивились, конечно. Вспомнили, как под Мгой наткнулись на мертвых солдат в маскхалатах, порубленных пулеметным огнем...

Ну нам-то что: пусть командует дивизией, а у нас свой командир и тоже, по общему мнению, не дурак. Малость вспылчивый после контузии. Когда узнал, что наш старшина тушенку украл, прямо черпаком вдоль спины так взялся охаживать, что ручка обломилась. Но под суд не отдал, вымолил старшина пощаду, семейное фото командиру подсунул.

Артподготовка по всему фронту дивизии длилась больше часа. Потом батальоны поднялись в атаку. Соседний с нами полк — во втором эшелоне. А мы, как наблюдатели, ждем команды. Залегла пехота под встречным огнем противника. Слева по открывшимся целям забухал артдивизион. Вскоре из КП дивизии прибыл офицер с приказом поддержать атаку всеми имеющимися средствами. Наш командир полка попытался убедить офицера, что это не танковый полк, а самоходные артиллерийские установки. Но майор был непреклонен, тут же по радиации связался с комдивом. Тот подтвердил приказ и добавил: «Обогнуть город Белецк справа и выйти к железнодорожной станции».

Речку стали форсировать возле разбомбленного деревянного моста. Я по наитию проскочил ее на полном газу. А механик из экипажа лейтенанта Пахомова пошел на малом газу, влетел в воронку и забуксовал в грязи: ни назад ни вперед. Надо бы выручать товарищей. Но немцы, видимо, мост пристреляли. Сначала ударили по берегу осколочными. Мы им в ответ пару снарядов. Но неудачно, мимо цели. Отползаю задним ходом к нашей самоходке, чтоб бросить буксир. Стахов командует. Поздно. Ударили бронбойным по машине Пахомова, подожгли. Я едва самоходку успел протронуть, а то бы и нас повалили. Взрыв ударил совсем близко, самоходку подбросило вверх и закидало землей. Огонь вели явно из гаубицы.

— Эх, Калугин, зараза, хоть бы раз окоротил немцев поганых! — кричу во всё горло. Ребят жалко. Да и себя тоже.

Запетлял по косогору, чтоб уйти из-под обстрела, да чуть пехотинцев не подавил. А мысль — не только уйти, а добраться бы до фрицевской пушки и давануть ее всмятку. Стахов командует принять левее, чтобы спрятаться за строение. Осмотреться. Впереди замелькали зеленые шинели и френчи. Появился азарт: ударить бы по ним из пулемета!

Встали. Открыли огонь осколочными по немецкой пехоте, которая приняла нас за танки и побежала. А пушкарки немецкие снова нас засекли. Ударили по строению так, что кирпичи во все стороны, пыль, ничего не видно — надо отползать. Пулеметная очередь загрохотала по броне, отсекая пехоту. Тут уж Калугин расстарался, с первого выстрела накрыл пулеметное гнездо. Впереди кладбище. Стал огибать его слева, а надо было справа или переть напрямки. Пожалел покойников. Удар пришелся в кормовую часть самоходки, разворотил днище и ходовую. Это меня спасло. Как выбрался через нижний люк — не помню. Очнулся на траве среди могил. Рядом Сорокин с окровавленной головой. Но живой, даже глаза от злости посверкивают на закопченном лице.

— Так-то вот, Аркашка — березовая кашка, растудыт ее так!.. Побило наших. Вдвоем мы остались.

Самоходку после взрыва боезапаса разворотило на куски. Ни амуниции, ни солдатского вещмешка. Даже ремень и пилотка сгорели, стал я похож на военнопленного. Тело Стахова мы определили по уцелевшему погону, нашли тела Калугина и Вдовина. Земля на краю кладбища оказалась рыхлой, податливой. Кусками металла мы откопали траншею, сложили в неё своих погибших товарищей. В изголовье вбили кусок трубы. Присыпали землей. Оглядели неказистую могилу, поправили березку со сломанной макушкой, что рядом стояла в молодой яркой зелени. Маловато земли, но без лопаты особо не накопишь. Насобирали гусеничных траков, поверх холмика положили и отправились на поиски нашего полка.

Четыре самоходки потеряли в том бою. Считай, целую батарею. Наш командир полка ругался нещадно и, как рассказали связисты, доложил о неправильном использовании самоходных артустановок аж самому командующему армией.

Так мы с Сорокиным стали безлошадными. То в караул выставят, то кому-то в ремонте помочь — короче, подай-принеси. На седьмой день, как друзей схоронили, раздобыли мы спирта граммов четыреста и помянули ребят. Особенно Стахова, хотя даже Вдовин теперь не казался таким занудой. Давно не выпивали, или настроение было поганое, честно сказать, разобрало меня так, что получил я выговор от комбата:

— На ваш экипаж наградные «За отвагу» подписаны, а ты, сержант Цукан, пьяным шастаешь...

Короче, пристыдил он меня крепко и поделом.

Полк стоял возле небольшой белорусской деревеньки, рядом с литовской границей. День выдался светлый, солнечный, главное — тихий. Немцы постреливали, но как-то

лениво, словно от жары разомлели. Самоходки в посадке были замаскированы по всем правилам. Вдоль посадки дорога проселочная отсыпная. Мы от скуки наблюдали, кто куда и зачем. Вдали показались две легковые машины.

— Начальство высокое припылило, доложи на всякий случай комбату, — прошу Алексея Сорокина. А он и рад, помчался бегом.

Покинув автомобили, офицеры достали бинокли и пошли вправо от дороги по полю, чтобы провести рекогносцировку. Немецкие наблюдатели их, похоже, заметили, начался минометный обстрел. Тут бы ноги в руки и по газам, а у «эмки» передней что-то случилось. Слышно, как стартер воет, а двигатель не заводится. Я поднялся, думаю, надо помочь неопытному водителю.

Мина разорвалась перед самым бампером «эмки». «Виллис» взрывной волной опрокинуло набок. Когда я подбежал, то на ногах был только капитан с дико вытаращенными глазами, левая рука его висела плетью.

— Помоги! — закричал он очень громко, оглушенный после взрыва. — Помоги комдиву...

Под «виллисом» лежал полковник. Он пытался выбраться из-под машины, но ему придавило ноги. Прибравшие самоходчики помогли поставить американский вездеход на колеса. Втащили офицера в машину, кое-как перевязали раненую спину. Перевязали адъютанта, который едва держался на ногах, но продолжал кричать свое: «Помогите, надо спасти командира дивизии, где санитары?»

А какие тут у нас в лесу санитары? В «эмке» три трупа, водитель «виллиса» мертв: принял на себя основную порцию осколков, закрыв офицеров.

Я попросил Сорокина доложить комбату, что отвезу офицеров в медсанбат и вернусь. На «виллисе» никогда не ездил, но разобрался быстро. Двигатель — зверь, чуть придавишь акселератор, он аж поет и разгоняется под сотню. Но вскоре машину заболтало из стороны в сторону. Оказалось, заднее колесо надрезано осколком. Запаску сорвало взрывом. Ехал на спущенном баллоне, пока не «изжевал» его в клочья. Встали в километре от станции, где располагался то ли медсанбат, то ли госпиталь.

Сначала я подхватил комдива на руки, но метров через сто выдохся. Он хоть и не грузный, но долговязый. Адъютант не помощник, сам едва передвигается. И то ладно, что помог взвалить полковника на закорки.

— Держись за шею, ну держись! — умолял я полковника.

А он оползал и оползал.

Я уже двигался чуть ли не на карачках из последних сил. Хорошо, что санитары приметили нас издалека. Кинулись навстречу.

— Как фамилия, сержант? За машиной присмотри. Я тебя найду, — сказал капитан, валясь на носилки, подставленные санитарями.

Я попил воды и отправился выполнять приказ по охране «виллиса». Голодный, мокрый от пота, я ругал себя, что влез в эту историю. Особенно тоскливо мне стало ночью. Да и холодно. Под задним сиденьем нашел старую телогрейку, свернулся калачиком на узкой сидухе, задремал. Ранним утром подъехал автобус. Группа офицеров во главе с молодежавым полковником. Я отрапортовал, как положено. А он приобнял: «Спасибо, сержант». Другой офицер подошел, руку жмет, благодарит, а я не пойму ничего, словно меня с кем-то перепутали.

Полный котелок с кашей выставили, хлеб... Водитель запаску выкатил.

— Занимайся. Мы в госпиталь к комдиву. Подъедешь туда. С вашим комполка я договорился: приказ подготовят, поступаешь в распоряжение штаба дивизии. Я полковник Назаров, твой прямой начальник.

Так круто и неожиданно повернулась моя солдатская судьба. Не знал, радоваться или горевать, но привычно себя успокаивал, что дальше фронта не пошлют. Стал менять колесо, а домкрата нет. Чужая машина всегда загадка. Нашел жердь, подважил, подложил кирпичей, колесо переставил. Заодно проверил масло в двигателе, уровень воды в радиаторе. «Виллис» не переставал удивлять: заводился с полуоборота и через пару минут работал ровно-ровно, едва слышно.

Вскоре я влюбился в этого «американца», он выручал в любой ситуации. Например, после проливного дождя, когда все машины стояли на дороге, мы с полковником

Назаровым легко ехали по обочине, прямо по пашне, огибая заторы. Удивительная машина.

Приехал в полк, чтобы попрощаться с товарищами по службе, особенно с Алексеем Сорокиным, который выхаживал меня после госпиталя, как брата родного. Но первым встретил Злобина, механика из нашего батальона. Он скороговоркой пересказал последние новости, где главным было то, что наводчика Нестерова за последний бой наградили орденом Красной Звезды. Потом меня окружили бойцы из нашего батальона:

— Ты, говорят, генерала спас?.. На руках с поля боя вынес...

Я отшучивался, как мог, объяснял, что всего лишь полковник, что тащил его на закорках в госпиталь. Это вызвало всеобщий смех и очередную порцию зубоскальства. Но я не обижался. Это не со зла. Так уж повелось в войсках. Даже лейтенант Карпенко, малорослый и прыщавый, как подросток, не удержался, пошутил:

— Теперь тебе, Цукан, орден дадут. Орден Сутулова.

Сорокина я не нашел, его откомандировали в мехмастерские. Прибежал запыхавшийся Нестеров. Обнялись. Я едва сдерживал подступившие слезы. Да и Сашка тоже кривился, пока писал домашний адрес.

— Отправь письмо моей маме. Она перешлет. Да и после войны... Сам понимаешь. Мы под Москвой живем.

В тот момент нам верилось, что мы непременно увидимся.

Полковник Назаров отправил меня за новым назначенцем — начальником дивизионной связи, чтоб быстро показать ему все подразделения. Прежнего я слегка знал, хороший офицер, общительный и шутник знатный. А этот капитан всё больше сам с собой разговаривает. Выскочит из машины и бегом к наблюдательному пункту полка или батальона, а потом схемки на планшете рисует. До командного пункта комдива метров двести не доехали. Впереди бой идет серьезный, похоже, немцы контратакуют при поддержке артиллерии.

— Может, переждем? — спрашиваю связиста.

— Нет, пойду. Я по линиям связи всегда КП найду и без провожатого.

И правда, чуть вперед пробежался, припал к земле по-собачьи, провод приподнял, высмотрел направление и пошел, чуть пригнувшись, к блиндажу. Я следом.

Капитан представился бодро и четко. Маторин, озабоченный тем, что Лановое не удастся взять сходу, что не удастся связаться с начальником дивизионной разведки, суховато поздоровался и тут же, без предисловий пояснил:

— Со связью у нас беда. Прошу, товарищ Чижов, в кратчайшие сроки отладить дивизионную связь. На сегодня моя машина закреплена за вами. А завтра ножками. Исполняйте!

Капитан молча развернулся и на выход. «Прямо настоящий чиж», — подумалось мне в тот момент. Я к связистам всегда с уважением. У них самые свежие новости, да и на телефонисток глазами пострелять иной раз в радость. Но работа у них не мед. Однажды приехали в полк Изюмова, начался обстрел. Залегли с комдивом и адъютантом в воронке. Мимо бежит связистка Катя с тяжелой катушкой провода на плече. Маторин кричит ей: «Катя, ложись! Пережди огонь!» Она, не останавливаясь, на ходу с улыбкой бросает: «Да ничего...» — и вперед с тяжелым грузом. Продолжает перебирать провод правой рукой, чтобы найти обрыв. Только соединила, проверила связь — сбоку новый разрыв и опять по проводной связи. Катя дальше бежит под пулями и осколками. Девушка красивая, с румянцем во всю щеку, увешанная тяжелыми катушками телефонного кабеля, бежит не пригнувшись за атакующими бойцами, чтобы связать полк с КП дивизии.

— Ну и девка! — восхищенно ей вслед. А в голове мысль: «Доживет ли до мирной поры такая красавица?»

Отдал комдиву узелок, который попросил вручить ординарец Николай. И, как он просил, напомнил про шерстяные носки. Маторин хоть и чертыхнулся: «Вот же стервец, хуже иной тещи», но ему была приятна забота ординарца, тут же стал переобуваться.

— Беги, — говорит, — Цукан, догоняй начальника связи. Тебе с ним всю ночь колесить по бездорожью.

— Нам, Александр Семеныч, не привыкать, — отвечаю ему не по-уставному, а по имени-отчеству, как он сам разрешил при первой встрече в госпитале.

Он тогда оглядел меня — низкорослого, сухолядого — и удивленно воскликнул:

— Да как же ты, сержант, допер меня в госпиталь?

— Так на закорках тащил. Чуть не сдох, товарищ полковник.

Маторин рассмеялся аж до слез, как не смеялся, наверное, давно, проговаривая сквозь смех это моё: «на закорках... чуть не сдох».

Потом говорит: «Мне как-то неловко перед тобой — старался, спасал. Но ведь не из боя. Поэтому и наградить невозможно».

— Так я же не за награду...

— Верю, сержант. И все же я теперь твой должник. И звать можешь меня просто Александром Семеновичем.

На душе потеплело. Многие говорили, что Маторин строг и суров. Черствеют люди на войне. Редко встретишь к солдату человеческое отношение. После такого мне и правда награды не нужно.

А уж «виллис»-то у меня засверкал: и домкрат, и ключи — все в полном комплекте. Но и грузили меня по полной, иной раз трясут среди ночи: срочно к начальнику тыла, минометчики без снарядов! Карту в руки — и полетели напрямки по косогорам да буеракам. Штабной офицер вцепится в поручень, побрякивает на колдобинах да амуницией позвякивает, а после выдаст непременно про селезенку свою или отбитую задницу. Я смеюсь: мне не привыкать, да и комфортнее, чем в самоходке. А уж со стороны хозобслуги — уважение, и с офицерской братией почти на равных.

Молоденький капитан, недавно прибывший из запасного полка, мне за общим столом устроил разнос. Назаров отозвал его в сторону и сказал что-то такое, от чего тот сделался багровым — и больше ни звука за ужином. После этого случая Назаров, посоветовавшись с комдивом, направил представление в штаб армии о присвоении мне звания «младший лейтенант». И при всех об этом сказал: мол, товарищи офицеры, это Цукану не по благу, а за его технические навыки и умение карту читать получше иного выпускника училища. Это он с намеком сказал. Во втором батальоне у подполковника Изюмова лейтенант с маршевой ротой заблудился, в соседнюю дивизию притопал. Комполка ему про пункт сбора, обозначенный на карте, а он в ответ: «Да я азимут потерял...» Так и припечаталось к нему с той поры прозвище — Азимут.

Назаров сначала подробно растолковывал: свернешь налево, потом направо, схемки рисовал, как проехать, а когда понял, что я карту читать умею, сунет планшет и командует: «Штаб корпуса в Хижняках, дорогу к селу найдешь...» Я и рад стараться, мне без сопровождающего офицера проще. Правда, бойца из взвода охраны за мной закрепили. И не зря. Однажды под вечер возвращались. Хутор небольшой, в три дома, остановились — я к колодцу с ведром воды иду этак неторопливо, и тут по мне из винтовки бабах! Хорошо, что боец не растерялся, полоснул из ППШ очередью. Так и прикрывал стрельбой из автомата, пока я воду набирал, а потом подливал в радиатор.

Доложил в штабе про этот хутор, на карте показал: то ли фрицы недобитые, то ли местные литовцы шалят... На следующий день командир взвода охраны, похлопывая по плечу, пошутил:

— Везунчик! Видать, ты под ужин к ним попал. На чердаке ручной пулемет обнаружили, гранаты... А немцев нет, отлежались и удрали.

Шутник. А меня морозцем по спине пробрало. Беспечность. Хлопнули бы, как собачонку, и «виллис» командирский угнали бы.

После Северной Двины перемахнули в Прибалтику. Мощно двинулись в наступление. Дороги пошли ладные, с твердым покрытием, с указателями. Мог бы Александр Семенович в «эмку» пересесть — помягче рессоры, вроде бы. А он:

— Нет, с Цуканом поеду, мне в радость. Это не то что со штабными офицерами челночить сутки напролет.

Ординарец у командира дивизии из старослужащих, меня подначивает:

— В офицерских погонах ты, Аркадий, такой важный стал, что тебя ночью с генерал-майором перепутать можно.

И хохочет. А самому-то, небось, завидно.

Служба у меня многим на зависть. Всё бы хорошо, но экипаж самоходки вспоминается. Бежит к НП лейтенант белобрысый, нелепо размахивая руками, я выскочил, кричу:

— Ахов!

Лейтенант обернулся, смотрит недоуменно. Я ему: «Извини, обознался», а на душе муторно. Сорокин вот прислал коротенькое письмо о службе в новом экипаже. Про Нестерова написал, что чуть не погиб мой дружок при переправе через Двину вместе со своим экипажем. Теперь в госпитале с осколочными. Помянул он и про медаль. За атаку на станцию Бежецк комбат обещал наш экипаж к награде представить. Но затерялись где-то в штабах моя и Лешкина медали...

На дивизионный наблюдательный пункт прибыла группа бойцов во главе с капитаном Жариковым. Я слышан был про него, но видел впервые. Думал, богатырь. А он ростом с меня. Чуть, правда, коренастее. Ладонь мощная, такой подковы гнуть можно. Пока командиры беседовали, я с сержантом-разведчиком успел покалякать. Он похвастался, что имеет «Солдатскую славу» второй и третьей степени и медаль «За отвагу».

— Страшно небось? — спрашиваю.

Он улыбнулся:

— Это вначале, а теперь обвыкся, да и командир у нас, сам знаешь: силен и умен, на рожон зря не прет. Да и зам у него, бывший комбат, из казаков. В последнем поиске немцу нож меж ребер по рукоять всадил, тот лишь пискнул, как заяц. Но живьем никого взять не удалось. Вот и пойдем по новой удачу искать. А может, пулю — тут уж как повезет.

На фронте краткосрочное затишье. Пока ждал комдива, в лесочке рядом с машиной нарезал грибов полную каску, не удержался. Настоящий белый гриб, один краше другого. Маторин полюбовался на грибок-крепышок со шляпкой в два кулака, втянул носом запах, и, смотрю, затуманились глаза. Что-то свое вспомнил, похоже, из той, мирной жизни.

Под это хорошее настроение говорю ему:

— Разрешите, Александр Семенович, сходить в разведпоиск.

— Ты, Аркадий, сдурел, что ли! Это не забава.

— Да знаю, товарищ полковник, — говорю ему, переходя на официальный тон. — Я в армии с сорокового года. Стреляю метко, силенкой бог не обидел.

— Медаль, значит, хочешь?

Комдив брови свои черные нахмурил и голосом поднажал. А я ему напрямик, что и медаль не помешает, если получится. А то скажут потом, что Цукан в обозе воевал.

— У меня уже двух водителей убило и ординарца. Какой тут к черту обоз!

Но что-то комдива зацепило. Может, смелость моя солдатская. Сам-то он рисковал постоянно.

— Твердо обещать не могу. Посоветуюсь с командиром разведбата. Ну, хлебнешь тогда по полной, герой хренов, — вроде бы и ругнулся комдив, но без злости, скорее, скрывая свое удивление.

Глава 17. Госпитальная любовь

В госпитале много свободного времени, много пустословия и злости вчерашних воинов, ставших калеками. Для Маторина одно неудобство — приходилось первое время лежать на животе, каждое движение отзывалось болью в спине. Глядя, как он кривится от боли, сосед по палате успокаивал:

— Когда заживает, всегда сначала болит, а потом чесаться начинает.

Подолгу неторопливо рассказывал о своих госпитальных передрягах: как ему хотели руку по локоть резануть, а он не дался. Как после второго ранения очнулся голый среди трупов и стал звать на помощь...

Маторин поворачивал голову в его сторону, поддакивал в нужных местах. А сам думал о всяком-разном. После очередной перевязки осторожно переворачивался на правый бок и хватал ноздрями воздух — ему казалось, пахнет женщиной, духами. Ночью снились женские руки. Прохладные мягкие ладони оглаживали плечи, спину, спускались ниже. После чего он просыпался, долго не мог заснуть, пытался думать о жене, но это быстро

рассеивалось в зыбком тумане. Мысли вновь и вновь перескакивали на военврача Марию Петровну, как звали ее здесь медсестры.

Утром во время осмотра она наклонилась, чтобы прошунтировать в очередной раз глубокую рану на плече. Маторин неожиданно для себя сквозь запахи йода, спирта и еще чего-то больничного учуял запах женского тела, который теперь не давал ему покоя.

Приезжали пару раз сослуживцы, благо фронт замер. Шли обоюдные перегруппировки сил, подтягивались резервы. От сумятицы первых дней не осталось и следа.

Раны на спине быстро затягивались, и он часами вышагивал по палате, размышляя о первоочередных дивизионных делах, о погибшем ординарце, таком славном парне Пете Исковом. Даже мысленно написал письмо его матери в Орловскую область. Вспомнил его походную мини-печурку, на которой зимой 42-го, в невероятных условиях новгородских болот он кипятил чай. Потом на ней же сушил его портянки и носки, словно заботливая мамаша, набивал на ночь разбухшие от влаги сапоги газетами, а ранним утром вскакивал и мчался за розжигом для печки с раздвижной, словно бы акустической трубой, которую смастерил сам в мехмастерских артиллерийского артдивизиона. Один раз его чуть не подстрелил снайпер, когда он вылез и стал обдирать бересту с березки на розжиг. Прострелил бушлат и сорвал кожу на левом боку: в сердце, гад, метил, чуток недобрал на прицеле.

— Он не думал, что ты, Петька, такой сухолядый, — подшучивал фельдшер, обрабатывая ссадину.

Тот же, словно школьник, извинялся, что с вечера не заготовил растопки. От Петиной торопливой скороговорки, конопушного лица с белесыми бровками и всех навалившихся вслед за этим воспоминаний стало так мутно! Он словно был виноват перед этим восемнадцатилетним мальчишкой, который не успел ни девок потискать, ни повидать Москву. А это была его заветная мечта, он с ребяческой наивностью расспрашивал капитана Иванкина, коренного москвича, о метро, и тот рассказывал фантастические небылицы про быстрые эскалаторы, шикарные рестораны, магазины с настоящими ананасами и мандаринами.

Петя сначала восторженно ахал, а потом с привычной крестьянской недоверчивостью заключал:

— Да будет врать-то. Про ананасы правда, я в книжке читал. А вот поезда под землей — это выдумки.

— В карты играете? — окликнул сосед по палате.

— А то! Каждый день, с утра до ночи с начальником штаба...

Но сосед шутку не оценил.

Госпиталь располагался в здании школы. Под ординаторскую оборудовали кабинет завуча, судя по уцелевшей табличке на двери. Маторину стало вдруг весело, когда он толкнулся в эту дверь, чтобы узнать о возможном сроке выписки.

Мария Петровна, совсем не похожая на школьного завуча, пила чай вприкуску с мелко наколотым рафинадом и думала, похоже, о чем-то приятном. Когда Маторин вошел, она взмахом руки привычно поправила волосы и одновременно стерла с лица выражение благодушия, стала вновь официально строгим военврачом. Она словно бы знала, о чем спросит Маторин, и тут же, почти не задумываясь, ответила:

— Напрасно торопитесь, товарищ полковник. Спина подживает, а вот рана на плече не зарубцевалась, может случиться нагноение.

— У меня в дивизии есть хороший фельдшер...

— Хотите сбежать, погеройствовать?

Маторин ощутил неловкость из-за того, что стоял в застиранном халате с короткими рукавами и в исподнем белье перед женщиной — привлекательной, милой, как ему казалось в этот момент.

Он присел на кушетку, чтобы не торчать пугалом перед ней, и, оглядывая ее чайный стол, предложил принести конфет, которые доставил начпрод вместе с другими деликатесами, редкостными в этой фронтовой жизни.

— Откупиться хотите?

— Нет, нет... просто в знак благодарности. У вас такие руки! Раны затягиваются без лекарств...

Он вышел, не дожидаясь ответа, уловив в промелькнувшей усмешке что-то похожее на одобрение. Торопливо сложил конфеты в газетный кулек, а банку сгущенки сунул в карман. Еще были пряники из этого же начпродовского набора, но нагребать их в карман не решился. Пока шел по школьному коридору, прикидывал, как лучше начать разговор, чтоб не выглядеть идиотом. Вышло непроизвольно про данайцев, дары приносящих, что было оценено ею в виде удивленно вскинутых бровей и смешливого: «Неужто я схожа с неприступной крепостью?» Разговор пошел с юмором, вспоминалось что-то веселое, забавное, чем они словно отгораживались от тяжелой действительности:

— А вот у нас, помню, была химичка — такая зануда, не передать! — Промельком возникло про отцов: — Беломорканал... Сейчас дворник. — Мария не стала углубляться, подавив горестный выплеск. — Больше никуда на работу бывшего ученого-почвовода не берут.

— А мой теперь на поселение вышел. Письма стали получать. А то ведь и не знали, где и как...

Это их сблизило. Мария, понизив голос до шепота, прошуршала:

— Я вас тоже хочу угостить. Медсестры малины нарвали в брошенном саду. Часть съели в охотку. А часть я залила спиртом. Давно стоит. Надо попробовать, а то всё недосуг.

Напиток показался Маторину необычайно вкусным, а рука мягко-нежной, как и представлялось во сне. Полтора года он сдерживал себя. Убрал из штаба телефонистку, красивую, верткую, но слишком назойливую со своими беззастенчивыми знаками внимания. Убрал еще и потому, что знал: в дивизии ни одна любовная интрижка не остается без внимания, начинает обрастать нелепыми подробностями. И потом попробуй оправдайся перед подчиненными!

После выпитого Маторин слегка поглупел, непроизвольно возникли слова про нежные руки, глаза, лучезарную улыбку.

— Полковник, вы словно под наркозом. Вы так начнете еще обнимать, — шутила Мария, нанося легкие безболезненные уколы. — А по уставу не положено приставать к младшим по званию.

— Да не полковник, я здесь в халате и тапочках, милая Маша. Меня Александром зовут. Можно Сашей, можно поклонником вашим.

Ему стало жарко, он скинул халат, остался в исподнем, что уже не смущало. Он припал к женщине липкими от настойки губами, как припадают к источнику в полуденный зной. Хотелось пить и пить бесконечно.

Она лишь шептала: «Что вы, что вы, успокойтесь...» Но почти не вырывалась, лишь выскользнула из объятий на миг, чтобы запереть дверь и потушить свет.

Топчан скрипел, саднило плечо, но Маторин блаженствовал, снова и снова припадал к ней губами, наслаждаясь ответным отзвуком ее плоти, тем наслаждением, которое нельзя симитировать.

При этом душа ее, как и его, находилась, может быть, где-то очень далеко, но это их в тот момент совершенно не смущало.

— Всё, всё, хватит! Замучил бедную Машу. Рано утром врачебный обход... Я гляну, чтоб никого не застать в коридоре. Как плечо?

По его глуповато-блаженной улыбке поняла, что ему сейчас всё равно. Улыбнулась своему, потаенному, женскому, чего не стала бы произносить вслух. Сказала:

— Утром сменим повязку. Бегите, командир Саша.

Это юношеское «бегите» Маторина словно пробило сквозь наслоения крови и ожесточения последних лет. Власть над тысячами людей накладывала свой каверзный отпечаток: для бойцов, молодых и пожилых, он был старшим по званию, авторитетным командиром. И только для нее, для врача с мягко-нежными пальцами пианистки, он был теперь просто Саша.

На следующий день, скрывая под легкой иронией своё смущение, она командовала шутливо:

— Кругом марш! В палату, в палату!

И тут же мягким полушепотом на выдохе: «Я с дежурства, передохну часок-другой».

Делая обязательный пятничный обход, начальник госпиталя, пожилой носатый еврей с легким кудрявистым пушком на голове, оглядел внимательно, затем пропальпировал

края раны, удивленно вскинул брови и, подражая традиции земских врачей, произнес вразяжку:

— Похвально, похвально. — Глянул в лицо, стараясь угадать общее состояние: — Соскучились по дивизии, полковник? Понимаю вас, понимаю... потерпите еще денька три-четыре.

Приехал начальник штаба Назаров, принявший командование дивизией на себя. Осунулся за последнюю неделю от недосыпа, а больше от огромной ответственности, которая ложится на человека совестливого, каким и был расторопный, по-командирски умный полковник Назаров. Был он не в особой чести у фронтового начальства, может быть, из-за своей явной интеллигентности, неумения рассказать и поддержать какой-нибудь анекдот или сальную шутку за общим столом. Даже водку он пил, словно шпак гражданский, не залпом, а мелкими глоточками. Однажды, когда попросили произнести тост на застолье по случаю ноябрьских праздников, он вдруг заговорил про погибших, которых нужно бы помянуть не чокаясь, чем смутил всю компанию.

Назаров доложил о взятии Лисны. В небольшой городок, окаймленный одноименной речушкой, немцы вцепились с невиданным упорством, ходили не раз в яростные контратаки. Рассказал, как попытались обойти их с правого фланга за молокозаводом, но напоролась на литовских ополченцев. Они знали здесь каждый куст, каждый бугор и возникали порой неожиданно со спины. После внезапной контратаки быстро отходили, используя складки местности, полуразрушенные строения и коммуникации. Потери с каждым днем росли, злость накапливалась. После последнего штурма пленных не брали: бойцы остервенели так, что постреляли всех, даже раненых. В полку Измайлова выбыло больше трети комсостава. Отличился комбат Кидалов, возглавивший штурмовую группу.

— Ранен, но остался в строю. Думаю, нужно направить представление на орден...

— Конечно, Пал Игоревич, направляй на него и на других отличившихся офицеров, — заторопился с ответом Маторин, задетый слегка этой подробностью про раненого комбата Кидалова. С ним он толком и познакомиться не успел, лишь запомнился разбойничий посвист, когда он окликал бойцов с передового поста, и фраза Измайлова: «Славный малый, недавно комбата заменил, везде поспевает».

(Продолжение следует)